

Люди интересной судьбы

БЫТЬ МУЗЫКАНТОМ, БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ



ОНИ исполняли первую часть пятого концерта Бетховена и, казалось, будто не два инструмента, а один со сплошной, бесконечной клавиатурой исторгает эти чудесные звуки, не две души, а одна рвется навстречу стихии гения. Бетховенская буря, рождаясь где-то в недрах одного рояля, мощным потоком устремлялась вперед, к другому, переливаясь через край, рассыпая по пути брызги счастья. И это счастье объединяло их, педагога и ученицу в одно целое, рождая новое, все вбирающее в себя понятие — музыкант.

Смолкли последние аккорды. Чуть откинувшись назад, слегка опираясь руками о бархат сиденья, Каринэ слушала, как где-то вдали, внутри нее замирают звуки. В реальность зала ее вернули аплодисменты. Милая девушка в нежно-розовом платье с нераспустившимся бутоном в красиво уложенных черных волосах, вышла на авансцену. А в глубине, у второго рояля, стараясь держаться в тени, стояла та, кому она обязана была своим успехом.

— Уроки Элеоноры Сергеевны, — с юношеской непосредственностью и искренностью говорит Каринэ, — счастье. Даже тогда, когда она занимается не с тобой, а с кем-нибудь другим, а ты сидишь и слушаешь. Ведь Элеонора Сергеевна не только отработывает детали, технику, но и многое рассказывает о композиторе, истории создания вещи, стране, давшей это произведение. И потому ее занятия — это всегда состояние активности, присутствовать на них и не принимать в них участия просто невозможно.

Здесь в этой уютной комнате, с множеством сувениров из разных стран, в которых бывала пианистка, как-то сразу становишься своим человеком. Тон задает, конечно, хозяйка. Вот и сейчас мы сидим и разговариваем, как давние друзья. Только что ушла одна ученица, чуть позже придет другая. Пользуясь паузой в занятиях, засыпаю Элеонору Сергеевну вопросами. Ее рассказ — kaleidoscope событий, стран, встреч, впечатлений. Особняком стоят воспоминания о детстве, о том счастливом времени, когда в душу ребенка впервые были брошены благодарные семена любви к искусству, давшие потом буйные всходы.

В доме на нынешней площади Восстания в Харькове постоянно звучала музыка. Из распахнутых настежь окон на улицу лились звуки скрипки, рояля, сложные вокализмы. Бабушка Элеоноры Сергеевны, известная в те годы певица Восканян-Черкасова, первая в Тифлисе исполнительница партии Амнерис, была преподавательницей пения. Мать, Софья Спиридоновна, — пианисткой. По субботам у них собирались музыканты, певцы, поэты, художники, устраивались импровизированные вечера. Пение, рояль, скрипка сменяли друг друга. Кипаренко-Даманский, Гужева, Сагалов, Скловский были постоянными участниками этих вечеров. Студентам бабушка аккомпанировала Софья Спиридоновна. Потом место у рояля заняла ее дочь. Веселая, живая, необыкновенно восприимчивая, Нора обладала уймой талантов. Учителя и родные терпелись, пытались определить область их приложения. Она хорошо танцевала и даже кончила школу характерного танца, неплохо пела, этому ее научила бабушка, хорошо играла на рояле. Он то и стал ее первой и последней любовью, постоянной, глубокой привязанностью на всю жизнь. Она училась музыке в группе особо одаренных детей. Ее наставником был один из блестящих профессоров Харьковской консерватории — Людвиг Фанненштиль. Это была отличная школа мастерства, тонкого проникновения в музыку, безупречного вкуса и еще, что, пожалуй, не менее ценно, школа гуманности.

Разве не наглядный урок благородства, мужества, человечности преподавал ей Людвиг Фанненштиль, когда в 1941 г. во время воздушного налета на измученный Харьков бежал, страдая одышкой, через весь город к ней, своей студентке, чтобы спасти, помочь эвакуироваться. Разве не он, пожилой, не очень здоровый человек в интеллигентском пенсне орудовал локтями, пытаясь втиснуть ее в последний, уходящий из города состав. Потом, когда она приехала

в Тбилиси к матери, в наспех натянутом на домашнее платье старом жакете и с одним ботом на ноге, второй у нее стасили в поезде, она все еще помнила растерянное лицо старого профессора и блуждающие глаза за стеклами пенсне.

Она приехала в Ереван и поступила в консерваторию, но вскоре добровольно ушла на фронт. Не могла, видно, забыть ни изуродованных бомбежками зданий Харькова, ни своего наставника. Здесь, на передовой, она была и артисткой фронтового театра, и медицинской сестрой. Здесь бойцам в равной степени нужны были и ее добрый талант и ее добрые руки. Она пробыла на передовой 8 месяцев.

А потом на фронт из Еревана пришло письмо, в котором сообщалось, что она, студентка V курса Элеонора Восканян, включена в состав участников смотра исполнителей, проводимого в Москве. Страна не только воевала, она заботилась и о своем мирном будущем. Так Элеонора снова вернулась к музыке. Закончив консерваторию, она с большим успехом стала выступать с сольными концертами, была первой исполнительницей многих произведений А. Хачатуряна и других армянских композиторов, выступала в ансамблях. Особую радость и удовлетворение приносило ей творческое сотрудничество с таким выдающимся музыкантом, как Авет Gabriелян. Хороший ансамбль у нее получился и со скрипачкой Анаит Цицьян.

— Я люблю играть ансамбли, в них каждый из музыкантов получает возможность вывить себя, до конца высказаться, это как раз то, чего недостает в аккомпаниаторской деятельности. Здесь пианист растворяется в индивидуальности вокалиста, цель его, прибегнем к языку газеты — способствовать успеху певца. Не считайте это за оригинальность, но я люблю в работе аккомпаниатора не праздничность концертных выступлений, а трудовые будни, черную работу. Когда двое людей, точнее два музыканта, поначалу не совсем одинаково чувствующих и трактующих то или иное произведение, отправляются на поиски единственно верного образа, краски, интонации, акцента. Когда из столкновения мнений рождается истина, когда происходит проникновение в стиль, в душу произведения. «Вот уже четырнадцать лет, как я работаю с заслуженной артисткой Армянской ССР Элеонорой Восканян. Все эти годы мы были не только коллегами по творчеству, но и друзьями. Прекрасный, серьезный музыкант, человек тонкого вкуса, она по праву разделяет наш совместный успех». Эти слова принадлежат народной артистке СССР Гоар Гаспарян, о которой Элеонора Сергеевна отзывалась не менее тепло и восторженно.

— Гоар Михайловна выдающаяся певица современности, работа с которой приносит мне истинное наслаждение. И все же с годами я прихожу к заключению, что самое большое удовлетворение получаю от педагогической деятельности. Наверно потому, что стараюсь через своих учеников наверстать то, что не успела сама, их руками сыграть те произведения, которые не довелось исполнить мне, привести их к тем вершинам искусства, к которым всегда стремилась сама. И вот, когда это мне удастся, я бываю по-настоящему счастлива.

28 июня сдала свой последний экзамен моя ученица Каринэ Багдасарян. Она окончила десятилетку на отлично. Но среди похвал в ее адрес, быть может и слишком громких, мне запомнилась одна, пожалуй, самая скромная и в то же время ценная для меня. Профессор консерватории Георгий Сараджьев, у которого в свое время кончала и я, и который на всю жизнь остался мне большим другом, сказал: «А ты знаешь, она ведь раскрепостилась!» Это удачно найденное слово заключало в себе то, чего я добивалась от Каринэ — все эти три года — свободы повествования, полного и безраздельного владения клавиатурой, отсутствия скованности, коснорязи

чия что ли. И я рада, что в конце концов нам с ней это удалось.

А какими путями вы шли к цели? — Прежде всего я старалась вселить в нее уверенность в свои возможности, приучить к аудитории, сцене. «Раньше каждый выход на эстраду был для меня мучением, рассказывает Каринэ, а теперь это праздник!».

Наверное, такое происходит потому, что педагог верит в свою ученицу, а она полностью доверяет его мнению о себе. Отношения у Элеоноры Сергеевны со старшеклассниками и студентами не менторские, а дружеские. Питомцы десятилетки и студенты консерватории запросто бывают у нее дома, делятся радостями и огорчениями, даже своими сердечными тайнами. Грустят при расставаниях, ей ведь часто приходится выезжать на гастроли, и радуются встречам. А когда Элеонора Сергеевна бывает в отъезде, шефствуют над младшим поколением ее учеников. Это ли не преемственность!

— Я считаю, что подобная практика очень полезна и для одной и для другой стороны. — говорит Элеонора Сергеевна. — Она придает дисциплине, требовательности к себе, воспитывает чувство ответственности. К сожалению, это чувство ответственности, не всегда развито в детях. Они как-то не ценят тех широких возможностей, которые им предоставляются в нашей стране. В зарубежных поездках мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что там далеко не все желающие имеют возможность учиться музыке. Плата за урок высокая. Скажем во Франции — 25 франков, в США — 10 долларов. Получить музыкальное образование могут только избранные. Я хотела бы, чтобы наши дети помнили об этом.

Я не хочу мешать и прощаюсь, но уже в дверях задерживаюсь еще на несколько минут. Элеонора Сергеевна, бросив взгляд на мексиканца в самбреро, что красуется на стене в холле, восклицает: — «Как же это я забыла рассказать вам об одной из самых интересных встреч. Ведь мы с Гоар Михайловной были в гостях у Давида Альфаро Снкейроса. Этот замечательный художник-коммунист даже подарил нам свои полотна. Его живопись, он сам произвели на нас громадное, неизгладимое впечатление».

Она говорит о фресках художника, как человек, тонко чувствующий живопись. Еще бы, ведь Элеонора Сергеевна сама неплохо рисует.

У нее было много талантов, и родители и учителя затруднились в выборе области их приложения. Но она свою жизнь связала с фортепьяно и счастлива этим.

И. СОВЕР.

На снимке: заслуженная артистка Армянской ССР Элеонора Восканян.